

УДК 165:316.614:004.946
DOI: 10.18799/26584956/2025/4/2080
Шифр специальности ВАК: 5.7.1

Трансформация модели сознания в условиях социовиртивной реальности

О.Н. Герман¹, Н.М. Панькова²✉

¹ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Россия, г. Томск

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск

✉pankova_natalia@tpu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформационных процессов в сознании современного человека под влиянием социовиртивной реальности метамодерна. В работе раскрывается специфика новой модели социализации, возникающей в условиях цифрового общества, где традиционные экзистенциальные категории (свобода, одиночество, смерть, страх) претерпевают кардинальное переосмысление. Центральное место в исследовании занимает феномен социовиртивности, понимаемый как процесс адаптации личности к многовариантной цифровой среде. Особое внимание уделяется изменению когнитивных функций, проявляющемуся в снижении способности к глубокой рефлексии и критическому осмысливанию информации. Современный человек все чаще выступает не как носитель личного опыта, а как оператор внешних данных, что существенно осложняет процессы интериоризации. **Актуальность** определяется стремительным развитием цифровых технологий, формирующих новую социовиртивную реальность, которая существенно трансформирует традиционные механизмы социализации и когнитивные процессы. В условиях метамодерна происходит радикальное переосмысление фундаментальных экзистенциальных категорий человеческого бытия, что требует глубокого научного осмысливания. **Цель:** комплексный анализ трансформационных процессов сознания современного человека под влиянием социовиртивной среды, а также выявление специфических особенностей новой модели социализации, возникающей в цифровую эпоху. **Методы:** синтез феноменологического подхода с междисциплинарным анализом, позволяющий исследовать качественные изменения в структуре сознания и механизмах адаптации личности к условиям многовариантной цифровой реальности. **Результаты** свидетельствуют о существенной трансформации когнитивных функций, проявляющейся в снижении способности к глубокой рефлексии и критическому осмысливанию информации. Выявлен переход от модели личности как носителя личного опыта к модели оператора внешних данных, что принципиально изменяет процессы интериоризации.

Ключевые слова: социовиртивная реальность, метамодерн, экзистенциалы, симулякры, интериоризация, цифровая идентичность, трансформация сознания

Для цитирования: Герман О.Н., Панькова Н.М. Трансформация модели сознания в условиях социовиртивной реальности // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 4. – С. 200–213.
DOI: 10.18799/26584956/2025/4/2080

Consciousness model transformation in the context of sociovirtual reality

O.N. German¹, N.M. Pankova²✉

¹ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

✉ pankova_natalia@tpu.ru

Abstract. Relevance. The study addresses critical transformations in human consciousness within the context of sociovirtual reality and the metamodern condition. The rapid development of digital technologies has created new sociovirtual environments that fundamentally reshape traditional socialization mechanisms and cognitive processes. This transformation necessitates a thorough re-examination of existential categories (freedom, loneliness, death, fear) in contemporary digital society. **Aim.** To analyze consciousness transformation under the effect of sociovirtual environments, to investigate the specific characteristics of emerging socialization models in the digital age.

Methods. Integrated methodological approach combining: phenomenological analysis of subjective experience, interdisciplinary perspectives from philosophy, psychology, and sociology, qualitative assessment of cognitive and behavioral adaptations. **Results.** The findings reveal several key transformations: significant alterations in cognitive functions, including reduced capacity for deep reflection and critical information processing, a fundamental shift from experience-bearing subjectivity to data-operating agency, disrupting traditional internalization. The emergence of characteristic psychological phenomena in digital environments: emotional desensitization, cognitive dissonance, epistemological loneliness. A reconfiguration of existential experience, marked by the loss of uniqueness perception through constant reality-switching behaviors. **Conclusions.** The study highlights the need for new approaches to psychological adaptation and identity formation in digitizing societies. It provides foundational insights into consciousness evolution in digital environments and identifies important directions for future research in digital humanities and cognitive science. The findings contribute to our understanding of how pervasive digitalization is transforming fundamental aspects of human experience and cognition.

Keywords: sociovirtual reality, metamodernism, existentials, simulacra, interiorization, digital identity, transformation of consciousness

For citation: German O.N., Pankova N.M. Consciousness model transformation in the context of sociovirtual reality. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 4, pp. 200–213. DOI: 10.18799/26584956/2025/4/2080

Введение

В последние десятилетия современный мир столкнулся с рядом проблем, связанных с вновь возникшими социальными рисками, а также их негативным влиянием на идентичность человека, которые требуют внимательного изучения. Ряд авторов отмечает необходимость изучения этих проблем в связи с усилением воздействия неблагоприятных условий социализации на человека.

Социальные изменения, вызванные виртуализацией общества, проявляются в основных сферах жизнедеятельности представителя информационного общества XXI в.: экономике, политике, науке, культуре. Информационный поток, цифровые технологии, сетевые «паутины» встраиваются в «ядро» социального взаимодействия, образуя внутри него некий «киберкостяк», который, замещая образами реальные объекты и действия, видоизменяет модель социальных взаимоотношений [1].

Сознание, формируемое в условиях социовиртуальной реальности метамодерна, не воспринимает бытие как проблему, как задачу, которую необходимо решать в процессе своего существования. Такие экзистенциалы, как свобода, одиночество, смерть, страх, тоска, скуча, тошнота, не воспринимаются теперь как проблемы. Сознание освобождается от клише, стереотипов, норм и правил повседневности, так как вариаций предлагаемых реалий неисчерпаемое множество [2].

В трудах некоторых современных авторов описываются различные аспекты общественной виртуализации.

В работе Шерри Теркл «Жизнь на экране: Идентичность в эпоху интернета» проводится глубокий анализ трансформации человеческой идентичности под влиянием цифровых технологий. Теркл утверждает, что интернет и виртуальные миры позволяют пользователям экспериментировать с разными версиями себя. В отличие от онлайн-жизни, где идентичность более стабильна, онлайн-среда поощряет создание нескольких «аватаров», каждый из которых отражает разные аспекты личности. Например, люди могут одновременно быть агрессивными в одном чате и застенчивыми в другом, что стирает границы «единого Я». Сегодня это явление усилилось из-за соцсетей, где пользователи конструируют идеализированные версии себя через фильтры и кураторство контента [3].

В работах Энтони Гидденса «Современность и самоидентичность: Я и общество в эпоху поздней современности» и «Судьба, риск и безопасность» вводятся в научный оборот понятия современности и поздней современности, глобализации и социального риска [4, 5]. Как отмечается в современных исследованиях, опирающихся на теорию общества риска Э. Гидденса, совокупность таких факторов, как социальные кризисы, экономическая нестабильность, техногенные катастрофы и неэффективная социальная политика, повышает уязвимость индивида, превращая его из активного субъекта в потенциальную жертву обстоятельств.

В работе Ж. Бодрийяра «Симулякры и симуляции» реальный мир воспринимается как симулякр, все версии восприятия которого равнозначны. Возможные симуляции не просто формируют определенные знания, умения и навыки, они позволяют вживаться в альтернативные реальности и интериоризироваться по отношению к ним, то есть проживать их как собственный личностный опыт, наполняя сознание уникальным личностным содержанием [6].

И, конечно, нельзя обойти вниманием работы Мануэля Кастельса, автора труда «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [7], в которой были представлены основания теории сетевого общества. Ученый проанализировал новейшие тенденции сетевого общества, которые произошли за последнее десятилетие, а первые варианты его теории общества сетевых структур были представлены еще 20 лет назад. Компьютеризация и глобализация привели его к мысли о зарождении качественно новой морфологии общества. В XXI в. процессы глобализации и компьютеризации интенсифицируются, спровоцировав радикальные, никогда ранее не зафиксированные в истории изменения в социуме [8].

В работах отечественных ученых также встречаются различные варианты анализа влияния цифровой среды на экзистенциальное пространство личности, предлагаются новые формы самоконституирования через виртуальные проекции, где аватар становится интерфейсом между внутренним Я и социальной реальностью.

Автор концепции «виртуализации общества» Д.В. Иванов в своей работе «Виртуализация общества» отмечает, что отказ от некритического восприятия модели информационного общества с характерным для нее технологическим детерминизмом открывает перспективу более адекватной интерпретации компьютерной революции как одной из тенденций трансформации общества. В этой перспективе приоритетным в последние годы ХХ в. стало развитие не информационных, а симуляционных технологий – технологий виртуальной реальности [9, 10].

В работе Н.А. Носова, основателя современной виртуалистики в психологии, «Виртуальная психология» (2000) вводится понятие цифрового аватара, который существует в вирту-

альном пространстве и создает условия для реализации потенциальных состояний личности как один из вариантов самоактуализации, отражающая не только актуальное, но и возможное бытие субъекта. [11]

В работе Н.М. Мамедовой «Человек в эпоху цифровизации» отмечается, что цифровые технологии приобретают онтологический статус, вытесняют традиционные коммуникативные практики и отношения, преобразуют социальное бытие и его атрибуты. Происходит разрыв пространства и времени, связь между которыми больше не опосредуется конкретным местом осуществления социального действия и коммуникации. Экспансия искусственного интеллекта угрожает самой человеческой цивилизации, вытесняя человека из им же созданного мира. Гуманистическая ориентация культуры, основанная на идее антропоцентризма, меняется на ИТ-центристскую ориентацию [12].

В работе Л.А. Василенко и Н.Н. Мещеряковой «Гибридность цифрового общества: Инновационная реальность или утопия?» представлен анализ субъекта и его деятельности в цифровую эпоху. С точки зрения авторов, центральной проблемой, связанной с цифровизацией, является распределенность субъекта и его деятельности по двум разным средам взаимодействия. Одна из них – это физическая среда, в которой субъекты обладают телами, получающими непосредственный опыт от объектов окружающего их физического мира и непосредственного взаимодействия с другими субъектами: это среда, события в которой разворачиваются в режиме онлайн. Вторая –цифровая среда – это среда, в которой осуществляются цифровые взаимодействия в формате онлайн. Поскольку современный мир отличается взаимопроникновением этих сред, ряд исследователей этой темы говорит о возникновении особой – гибридной – среды, сочетающей элементы цифрового и физического [13].

Эти взгляды разделяет и еще один ученый. В работе «Субъект: вызовы цифровизации» Е.О. Труфанова указывает на то, что субъект в цифровом мире проявляет себя, прежде всего, как нарративный субъект, рассказчик. Подобные взгляды обнаруживаются в трудах современного зарубежного ученого Лучано Флориди, который в своей работе «4 революция. Как инфосфера видоизменяет человеческую реальность» называет информационно-коммуникационные технологии «самыми мощными Я-технологиями, с которыми нам приходилось сталкиваться» [14, 15]. В цифровую эпоху навыки создания нарративов выполняют двойную функцию: они не только служат инструментом формирования идентичности (что Флориди определяет как «Я-технология»), но и выступают в роли основного интерфейса, опосредующего человеческую деятельность как онлайн, так и офлайн. Существование распределенного и расширенного субъекта возможно именно благодаря человеческой нарративной способности [16].

Таким образом, можно выделить различные аспекты виртуализации: конструирование цифровых идентичностей, трансформация социальных институтов, появление новых форм и правил коммуникации, а также возникновение необходимости анализа философских оснований цифровой реальности.

По мнению авторов статьи, проблема самотождественности как внутриличностная одиссия напрямую связана с наличием внешних условий, обеспечивающих возможность постоянного возникновения симуляций, дарящих человеку определенность, комфортность и в какой-то мере понятность, стабильность его существования. Такая психологическая привязка к носителю информационного поля порождает страх эпистемологического одиночества сознания. Это страх потери носителя, отсутствия доступности или невозможности технического обновления «коллективной памяти». Под коллективной памятью в данном случае понимается совокупность всей возможной информации, в том числе доступной через сеть интернет.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения изменяющихся условий социализации личности в современном мире. В условиях социовиртуальности важно говорить о новой форме социализации – социовиртуализации, в рамках которой снимается необходимость развития когнитивных функций человека [17].

Например, при наличии постоянного доступа к сети интернет снижается значимость тренировки долговременной памяти (то, что, собственно, составляет содержание представления, понимания и идеи, что есть «Я») и делает это «Я» не носителем знания, а поисковиком, транслятором интернет-информации, которая не переходит в статус «собственная». При таких условиях интериоризация полученного опыта невозможна, а успешность, признанность себя определяется скоростью и возможностями добывать необходимую информацию. Статусность зависит от сформированности пользовательских навыков. Включенность в мировую сеть делает людей со-зависимыми, а потеря этой включенности равносильна выброшенности из жизни, подобно заброшенности у экзистенциалистов, порождая панику, одиночество, фрустрацию, что приводит к когнитивному диссонансу [18].

Например, в работе Зигмунта Баумана встречается понятие текучей современности (*liquid modernity*), при помощи которого автор описывает современное общество «как постоянно меняющееся, фрагментированное и нестабильное». В своих трудах «Текущая современность» (2000) и «Текущая жизнь» (2005) Бауман анализирует различные аспекты этой «текучести», включая отношения, идентичность, глобальную экономику и потребительство [19, 20].

Это состояние равносильно страху потери себя, так как связано с невозможностью обращения к информационным следам, которые сохраняются в виде фотографий, переписок и других напоминаний о прошлом. Что касается реальной действительности, то ее ценность снижается, поскольку не может удовлетворять всем современным потребностям человека. Социовиртуальная среда является более сложной средой по отношению к реальной действительности, воплощая в себе утроенную реальность. Содержание сознания существует в ней в трех формах: представление о себе как о биологическом виде, как о субъекте социальных отношений и как о виртуальном аватаре.

Таким образом, цель данной статьи – выявление трансформационных процессов, происходящих в ментально-психологической модели сознания как необходимого условия социовиртуализации в современном обществе.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает не сама социовиртуальная реальность, а то, как она влияет на процесс социовиртуализации личности, на формирование ментального условия самоопределения исходя из базовых экзистенциалов человеческого существования – свободы, одиночества, смерти, страха.

В статье был использован феноменологический метод, заключающийся в интуитивном, дескриптивном (оценочно-описательном), аналитическом установлении различий и приведении к ясности феноменов сознательной жизни.

Результаты и их обсуждение

Социовиртуальная реальность – это совокупность материальных, духовных (ментальных и психологических), социальных условий существования, формирования мировоззрения и деятельности как отдельных индивидов, так и социальных групп, сложившихся под влиянием виртуальных технологий. [21]

Виртуальные технологии создают независимые от человека виртуальные предметы культуры, влияющие на все сферы жизни человека, трансформируя социальные роли, статусы и характер коммуникации. Например, Л.В. Баева в статье «Виртуальная коммуникация: классификация и специфика» утверждает: «Современное информационное общество не только соединило людей в единую глобальную систему, но изменило сущность их общения и взаимодействия. В последние десятилетия произошло рождение нового феномена электронной культуры, особенностью которого, в числе других, является виртуализация межличностного

общения субъектов. Последствия этого технологического прорыва оказались значительны и привели к изменению сложившейся системы отношений «Я и Другой» [22, с. 5].

Социовиртивная реальность строится на принципах материальной, идеальной и виртуальной реальности и представляет собой специфическую новую форму бытия человека. Это реальность, для которой виртуальные технологии и средства являются неотъемлемой частью повседневной жизни. В качестве главных характеристик социовиртивной реальности можно назвать медиаресурс сети интернет, инерактивность коммуникации и личностную направленность. Как отмечает Ю.А. Кузнецов, развоение социального взаимодействия между реальным и виртуальным пространством влияет не только на институциональные формы социального взаимодействия, но и на самоидентификацию личности, которая находится на стыке виртуального и реального социального полей [1].

Неизбежность трансформационных процессов в условиях социовиртивной реальности обуславливает необходимость анализировать и адаптировать условия социовиртуализации, формирующие новую модель сознания, а, следовательно, и картины мира. Понимание данных трансформаций позволит успешно презентовать себя, создавать комфортные и стабильные условия существования.

Социальные виртуальные среды создают новое экзистенциальное пространство, где личность проявляется не во всей своей полноте, а направляет усилия на создание цифрового аватара. Этот созданный человеком образ становится результатом субъективного выбора и воплощает потенциальную, желаемую версию «Я». Организация этого виртуального мира, его феноменологическая структура, начинает играть первостепенную роль, становясь основой для саморепрезентации человека, подчас более значимой, чем его природно-социальная сущность.

Субъективная версия себя, сводящаяся к вероятностно-вариативной модели внутреннего, характеризует специфику проявленности существования в новой реальности, не претендующей на объективную ценность и даже не нуждающуюся в ней. Идея об изначальной устремленности человека к полноте бытия начинает приобретать, существенно-несубстанциональный характер. Например, Д.В. Иванов в своей работе «Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в.» пишет: «Постиндустриальный капитализм развился в результате процессов виртуализации общества. Виртуализация вообще – это замещение реальности ее симуляцией, то есть образом реальности. Экономика же (как и общество в целом) становится своего рода виртуальной реальностью, когда люди оперируют образами –виртуальными объектами – там, где институциональные нормы предполагают создание реальных вещей и совершение реальных действий» [10, с. 9].

Таким образом, задачей первой необходимости в социовиртивной реальности является рассмотрение механизмов трансформации, которые оказывают влияние на содержание сознания, формируемого в процессе социовиртуализации.

И в первую очередь необходимо говорить о следующих трансформациях:

1. Аксиологическая трансформация содержания сознания. Ценностная иерархия в условиях социовиртивности строится на принципе допустимости, а не превозмогании, как это было у экзистенциалистов, человеком самого себя. Принятие идеи потенциальной допустимости снимает проблему свободы и ответственности, истинности, единственности должного существования, как следствие снимается парадоксальность трагизма, абсурдности и алогичности самого бытия, так как оно перестает быть конечной, совершенной, завершенной, понятной целью существования. Собственное несовершенство перестает быть трагедией, а существование – подвигом по обретению смысла в бесконечности смены проживаемых моментов.

Такое состояние сродни инфантилизму, при котором отсутствует жесткий цензор, мотивирующий к самостоятельности и активности мышления. Вседозволенность, ведет к разрушению смыслового континуума, делая систему миропонимания не критичной, а описатель-

ной и, как следствие, приводит к невозможности объективного оценивания. При таком подходе доминирующими векторами внимания, определяющими ценностную иерархию личности, являются не системность, логичность и глубина понимания, а зрелищность, яркость, новизна, необычность. Брендинг становится ключевым фактором востребованности симулякра.

В современном социовиртивном обществе в принципе меняются понятия как этического, так и эстетического, а также меняются условия, формирующие ценностную иерархию человека. Понятие эстетического как творческого начала субъективируется. Самостоятельность уникального образа, создаваемого творческим воображением человека, заменяется технологической сложностью обработки оригинала, компиляцией ранее созданного, хотя и очень зрелищной, что заинтересовывает, притягивает внимание. Разрушаются классические и постклассические критерии эстетического, что приводит к аксиологической субъективности, к эмоциональной глухоте, возникающей в результате не только невозможности, но и отсутствию желания прорваться в иnobытие.

2. Презентативная трансформация содержания сознания. Публичность анонимности. В социовиртивной реальности, несмотря на видимость одиночества, изолированности, анонимности, все меньше остается места интимному и сакральному.

Во-первых, информационные следы сохраняются и открыты для контролеров.

Во-вторых, личные отношения становятся публичными и считаются подлинными; это более не слухи, когда информации можно придать статус искаженности или даже ложности. Это информация, которую можно получить от первого лица в записи.

Коммуникативная среда в рамках социовиртивности перестает переживаться как сакральная, а индивид лишается переживания одиночества, так как возможность свободного доступа к контактам любых, даже незнакомых людей открыт в любое время. Теперь находясь в любом месте, можно найти собеседника по интересам, заполнить свое свободное время любой информацией. Такое мнимое безграничное взаимодействие дает ощущение мнимой свободы, так как указывает на неограниченный горизонт вариативности проявлений. Именно поэтому оно воспринимается сознанием как благо. Одиночество становится способом выявления существенных характеристик самости трансформирующейся личности. Но абсурдность данного положения заключается в том, что за многовариативностью предложений заполнения собственного содержания, сознание теряет себя, перестает осознавать свою уникальность, свою отдельность, а следовательно, и одиночество как трагедию собственного существования. Рассудочная деятельность за обилием и зрелищностью поступающей информации не в состоянии успевать ее отфильтровывать, не говоря уже о том, чтобы рефлексировать над переживаниями и состояниями, вызываемыми ей.

Одиночество, переживание трагичности отсутствия близкого, переживание утраты социальных и духовных связей служит механизмом самозащиты, вызывает страх потерять себя в результате отсутствия этого общения и заставляет человека искать возможность взаимодействия с другими людьми.

Социальный и психологический вакuum виртуального сознания заполняется иллюзиями реального существования, его копиями. Живое общение заменяется ботами... Эмоции, внутренние привязки, содержания более не требуют выхода в реальную действительность и выступают как самодостаточные.

Создание индивидуального феноменологического пространства, очищенного от неприятных аспектов реальности, позволяет человеку сфокусироваться на самовыражении в условиях изоляции. Такой субъективный мир, будучи замкнутым в сознании и лишённым интерсубъективности, обретает для личности особый созидательный смысл и онтологическую устойчивость, поскольку защищён от внешнего разрушения. Однако опасность этой ситуации заключается в утрате защитных механизмов, которые обычно формируются в процессе реального социального взаимодействия. [23].

Политика сдерживания и избегания (игра в прятки), ухода от проблем, несомненно, является очевидной в современном обществе, но ограниченной в решении целого спектра других проблем, вызванных со стороны инобытия. Люди не могут найти общего языка, не способны к взаимодействию, что порождает страх живого общения.

В социовиртивной реальности формируются иные критерии, конституирующие виртуальное пространство. Виртуальная культура – это культура копий, цифровых образцов предметов и явлений мира реального. Как и материальная культура, виртуальная культура имеет свою сложную систему и может быть разделена на тиражированную и самостоятельно созданную на основе тиражированной. В таких условиях трансформируется роль автора, авторитета, наставника, учителя, транслирующего пути и подходы получения, отбора и использование информации. Акцентируется аспект саморазвития и самообразования, важнейшим условием которого становится развитие дивергентности.

3. Трансформация эмоционально-волевой структуры личности. Эмоциональная десенсилизация (глухота) в столкновении с нечто и ничто. Жизнь и смерть перестают быть антагонистами. Экзистенциал смерти в истории философии определялся как внутрибытийственный феномен и являлся сущностным, потому что в процессе существования, как утверждают экзистенциалисты, человек постоянно находится в конфликте осознания неизбежности смерти и каждой жизни. Парадокс заключается в неразрешимости данной задачи, и вариации созданных сценариев посмертного существования столь же абсурдны, как и неубедительны в своем содержании.

Социовиртивная реальность дает возможность получить опыт смерти. Несмотря на то, что реальная действительность постоянно сталкивает со смертью, а культурный опыт по ту сторону смерти описывает различные вариации посмертной реальности, страх неизбежности этого события не снимается. Именно поэтому смерть воспринимается как нечто таинственное. А экспансия разума в сферу непознаваемого останавливается в попытках объяснить невозможность несуществования сущего.

Такое состояние сознания, как молчание, в котором проявляется онтологическая пустотность неопределенности, вызывает страх и ужас в своей неизбежности. Идея смерти как внутреннего переживания сознанием окончательного уничтожения воспринимается как трагедия.

В современном мире идея смерти присутствует в понимании человека, но более не воспринимается как угроза извне, а мыслится исходя из иной топики будущего времени. Агрессия неопределенного, ничто, находящегося за пределами «Я» и одновременно переживаемое внутри собственного «Я» как неполноценность, преодолевается созданием отраженно-сублимационной деятельностью сознания.

Социовиртивная реальность позволяет благодаря многовариантности программирования необозримого числа жизненных сценариев переживать акт осознания собственной смертности и вследствие привычки вырабатываются безразличие, спокойствие. Затухание «эмоциональных качелей» по поводу дилеммы жизни – как высшего блага и смерти, как ужаса – снижает работу идеи об уникальности и неповторимости отдельной личной сакральности существования жизни как общественной, так и личной. Частота смены сообществ, скорость вхождения в группы и их многообразие, а также возможность в любой момент спрятать собственное лицо за никнеймом приводят к бессознательному переживанию нелинейности времени и отсутствию однородности пространства. Константы теряются и обесцениваются в виртуальном карнавале, даря долгожданную для сознания идею бессмертия.

Идея смерти пугает сознание, потому что только через «Другого» собственное Я обретает подтверждение своего существования, которое является средством самоидентификации. Идея смертности мобилизует и активизирует потенциалы для самовыражения.

Динамика взаимоотношений между личностью и обществом в значительной степени детерминирована формами и интенсивностью переживаемых страхов. Индивиду, погруженно-

му в повседневность, часто не хватает ресурсов для самостоятельного позитивного противостояния этим страхам. Исторически общество, используя свои институты, функционировало как система, целенаправленно регулирующая уровень коллективной и индивидуальной тревоги. Однако в эпохи системных кризисов, когда традиционные механизмы психологической защиты разрушаются, а страх достигает своего максимального, парализующего выражения, индивид оказывается в экзистенциальном одиночестве перед лицом этой угрозы [24].

Чем больше отражений вариаций «Я» находит во вне, тем более спокойно и уверенно оно себя ощущает. Социовиртивная реальность предоставляет безграничные возможности самоактуализации. Причастие жизни (не важно, к какой из реальностей мы причащаемся) снижает страх перед ничто, заставляя ценить и беречь имеющееся, служить существованию вопреки внутренним интенциям. Это, с одной стороны, бегство, забвение себя, с другой – путь к себе, всему сущностно значимому.

Теряя интимное и близкое, люди обретают опыт постижения смерти. В виртуале привязанности слабее, именно поэтому процесс сопричастия смерти проще и частота соприкосновений формирует спокойное, даже безразличное к ней отношение. Стремление к осмысленной картине мира является фундаментальной потребностью человека. Он инстинктивно пытается объединить разрозненные фрагменты социального и личного опыта в логичное и эмоционально приемлемое целое. Этот поиск смысла, в частности, является попыткой ответить на экзистенциальный вызов небытия, тем самым находя оправдание собственному существованию. Утрата этой творческой потребности в осмыслении, отказ от критического поиска закономерно ведут к пассивности, апатии и отчаянию. Таким образом, потребность в целостном мировоззрении, способном адекватно объяснить природу человеческих страхов, представляет собой глубинную черту человеческой психики, предохраняющую личность от распада [25].

М. Хайдеггер в своей работе «Бытие и время» описывает смерть как переходящую «границы всякой ограниченности», перекрывающую «вершины всякой завершенности», безысходности человека перед угрозой личного исчезновения «постоянно и по существу», а не только тогда, когда приходит время умирать. «Поскольку человек есть, он стоит в неотвратимости смерти» [26, с. 168]. Поэтому смерть в широчайшем смысле есть феномен жизни. Смерть – «конец» бытия-в-мире. Это не нечто еще не наличное, не сходящая к минимуму последняя недостача, но, скорее, предстояние. Смерть есть возможность бытия, которую человек всякий раз должен взять на себя самого. Она есть конец пребывания в бытии индивида. Смерть, насколько она «есть», по существу, «есть» всегда моя. Смерть как экзистенциал включается в тотальный предел (витальный, чувственный, духовный), который требует личностного отношения, преодоления, творческого самосозидающегося процесса. Она является «зеркалом», в которое глядится человек в стремлении к самоидентификации. [23].

Идея смерти для социовиртивного сознания не существует в своей экзистенциальной глубине и эмоционально не проживается. Человек в виртуальной среде не может столкнуться с опытом смерти пережить ее как аффектную уникальную ситуацию безвозвратной потери. В жизни смерть может быть только одна, это наделяет ее высшим смыслом и значимостью, уникальностью события, которое восприниматься может исключительно лично. Поэтому она ужасает и стимулирует сознание к активности.

Виртуальная реальность создает множество проекций возможных смертей. Так, например, возникающая в игровом пространстве сопричастность образу виртуального героя приводит к переживанию его возможной потери и, как следствие, к пониманию собственной смертности. Но это переживание проявляется на внешнем, а не на внутриличностном уровне, и поэтому спокойно переживается сознанием.

Тиражирование идеи приводит к ее обесцениванию, потере значимости и неуникальности ситуации умирания. Самоочевидность в ее банальности вызывает скуку, а не тревогу созна-

ний, и заинтересовывает лишь степень зрелищности, экшена и креатива в возможных версиях умирания, создавая ситуацию вне эмоционального, а не ужасающего обдумывания вариаций собственной конечности.

4. Конструктивная трансформация содержания сознания (трансформация защитного механизма сознания от страха). Страх может иметь различную природу, быть как внутреннего, так и социального происхождения. Он заставляет человека сосредоточиться на самосохранении и защите своей целостности. Это состояние внутреннего напряжения находит выражение в двух основных стратегиях: пассивном принятии обстоятельств или, напротив, в активном противостоянии миру. Таким образом, страх выполняет функцию защитного механизма психики, оберегающего личность от разрушения и поддерживающего ее целостность. Однако этот защитный механизм срабатывает перед чем-то неопределенным и аморфным, что невозможно четко локализовать и структурировать. Именно эта бесформенная, лишенная конкретных очертаний природа страха и делает его таким пугающим. В таком состоянии подлинное бытие и полноценное существование оказываются невозможными.

С позиции экзистенциалистов, связь одиночества и страха фундаментальна, страх является конституирующими фактором одиночества и смерти. «Страх быть отвергнутым, одиноким, ненужным толкает человека на неизбежность принятия одиночества как неизбежности», – пишет М. Хайдеггер. – «Смерть обращена к человеческому присутствию как одинокому. Безотносительность смерти уединяет «вот-бытие» человека в нем самом. Это одиночество есть экзистенциальный способ существования людей» [26, с. 262].

Социальные страхи связаны непосредственно с факторами кардинальных изменений, происходящих в социальной среде, и переживаются как тревожность в связи с угрозой утраты комфорtnого существования, угрозой определенности, а следовательно, и первичная реакция на любые изменения воспринимается отчужденно, отрицательно и даже агрессивно [27].

Агрессия становится прямым свидетельством страха утраты имеющегося, а потому и отрицанием новизны. Следовательно, страх служит маркером идентичности: он показывает, как человек на глубинном уровне (эмоционально и интеллектуально) реагирует на всё чужое и неизвестное. В роли такого маркера выступают значимые перемены в обществе, которые воспринимаются как угроза и порождают чувство страха, сигнализируя о нарушении личной безопасности. Страх выступает модусом социального бытия и рассматривается как единство природного, психического и социокультурного.

Так, например, в работе П.С. Гуревича встречается идея, что в отличие от эмоции страха чувство страха носит социальный характер. Чувство страха не передаётся по наследству и возникает только в процессе социального общения, вместе со становлением сознания и речи. Это чувство страха обусловлено исключительно социальными механизмами. Причём если эмоция страха проявляется на бессознательном уровне, находя отражение в символических образах (например, изначальный страх человека перед огнём) или в определённом комплексе соматических изменений организма, то чувство страха формируется благодаря сознанию и находит своё отражение в мировоззренческой системе личности. Биологическая эмоция страха, в основе которой лежит угроза возможной неспособности удовлетворения человеком как биологическим организмом ряда инстинктов – пищевого, полового и инстинкта самосохранения, – постепенно социализируется и приобретает социокультурный характер (например, страх смерти, который сформировался на основе инстинкта самосохранения, но постепенно приобрёл социальный характер) [28].

Новые формы страха, вызванного новыми формами существования в социовиртивной реальности, приводят к трансформациям внутренних защитных механизмов личности. Так, например, страх смысловой деструкции, возникающий в результате формирования виртуального сленга (слов, лексики, не имеющих четкой смысловой определенности), приводит к симулякривности горизонта понимания [21].

Заключение

Можно утверждать, что трансформационные процессы, влияющие на сознание, являются неизбежным результатом трансформаций, происходящих в современном обществе и обуславливающие необходимость формирования новых условий социовиртуализации и интериоризации личности. Изменения, происходящие в сознании, носят глубинный экзистенциальный характер, что приводит к трансформации самой ментально-психологической модели сознания.

Аксиологические трансформации приводят к аксиологической субъективности, к эмоциональной глухоте, некритичности мышления, отсутствию необходимости соответствовать общепринятым ценностям. Видимость свободы приводит к вседозволенности, разрушению объективного смыслового континуума. Приоритетным критерием становится зрелищность, яркость, новизна, необычность воспринимаемой информации. Трансформируются понятия этического, эстетического, как условий, формирующих ценностную иерархию человека.

Презентативные трансформации приводят к одиночеству. В виртуальном мире внимание сосредоточено на самовыбранном контенте, замкнутом внутри сознания и не подвергающемуся угрозам разрушения, так как не носит более интерсубъективный характер. Опасность такого явления становится очевидной и заключается в потере защитных механизмов, формирующихся при столкновении с реальной действительностью. В таких условиях трансформируется роль автора, авторитета, наставника, учителя, который транслирует возможные пути и подходы получения, отбора и использования информации. Важнейшей характеристикой успешной личности становится развитие дивергентности.

Трансформация эмоционально-волевой структуры личности приводит к трансформации переживания смерти как базового экзистенциала существования.

Идеи смерти у социовиртивного сознания не проявляется в своей экзистенциальной глубине и эмоционально не проживается, что нивелирует уникальность осознания окончательного уничтожения и не стимулирует волевые интенции сохранения своей уникальной бытийственности в реальном мире. Именно поэтому смерть может переживаться так спокойно.

Конструктивная трансформация содержания сознания приводит к трансформации защитного механизма от страхов, вызванных социовиртивной реальностью. Это страхи связаны с возможностью потери носителя информации, неуспешной идентификацией (отсутствием лайков и репостов), а также тревожностью от столкновения с безграничным объемом информации.

Таким образом, выявленные трансформационные процессы, происходящие в ментально-психологической модели сознания, являются необходимыми условиями успешной социовиртуализации в современном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецова Ю.А. Виртуализация общества: «киберпротезирование» социальных форм взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 344–359. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.404>. EDN: FYHLMK.
2. Розин В.М. Трансформация науки в истории и в ходе становления «фьюочекультуры» // Философия науки и техники. – 2025. – Т. 30. – № 1. – С. 124–134. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2025-30-1-124-134>. EDN: EHNBSG.
3. Аристархова И.Л., Текл Ш. Жизнь на экране: идентичность в эпоху Интернета // Социологический журнал. – 1998. – № 3-4. – С. 304–310. EDN: PZQKCL.
4. Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 256 p.
5. Добрина О.А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции Э. Гидденса // Системная психология и социология. – 2019. – № 1 (29). – С. 100–108. EDN: ZHVLXA.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
7. Кастьельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
8. Бобова Л.А. Мануэль Кастьельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций // Вестник МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА. – 2013. – № 5 (32). – С. 213–220. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-5-32-213-220>. EDN: RFXJHD.

9. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское Востоковедение. – 2000. – 96 с.
10. Иванов Д.В. Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. 4. – № 5. – С. 9–28. EDN: NFMUNM.
11. Носов Н.А. Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
12. Мамедова Н.М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. – 2021. – № 3. – С. 74–85. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.03.06>.
13. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Гибридность цифрового общества: Инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. – 2023. – Т. 28. – № 1. – С. 48–65. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65>. EDN: USPLIV.
14. Floridi L. The fourth revolution: how the infosphere is reshaping human reality. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 248 р.
15. Хлебников Г.В. Л. Флориди. 4-я революция. Как инфосфера видоизменяет человеческую реальность. Реферат // МЕТОД. – 2018. – № 8. – С. 384–398. EDN: YLTMMV.
16. Труфанова Е.О. Субъект: вызовы цифровизации // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2024. – Т. 6. – № 4. – С. 215–234. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525>. EDN: WMSJIU.
17. Герман О.Н., Кайрова Д.Е. Влияние виртуальной реальности на трансформацию когнитивных способностей поколения Y // Современные тенденции развития непрерывного образования: вызовы цифровой экономики: материалы международной научно-методической конференции. – Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2020. – С. 319–320. EDN: DDWOAQ.
18. Фишер М. Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 256 с.
19. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
20. Островская Т.А. Концепция «Текучей современности» З. Баумана и модификация дискурсивных практик элиты // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 4 (178). – С. 89–94. EDN: XXXYOH.
21. Герман О.Н. Социовиртуальность как вид реальности в современном образовании // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – № 4 (39). – С. 148–160. DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1049](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1049). EDN: TBCMER.
22. Баева Л.В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14. – № 4. – С. 5–10. EDN: TGLTVN.
23. Гагарин А.С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – Вып. 9. – С. 7–26. EDN: MTWDTT.
24. Боровой Е.А. Страх и социальное бытие человека: дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2006. – 182 с.
25. Боровой Е.М. Роль чистилища внейтрализации средневекового страха смерти // Universum: общественные науки. – 2014. – № 5 (6). DOI: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/1321>. EDN: SDYWGB.
26. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
27. Герман О.Н., Панькова Н.М. Трансформация человеческого бытия в условиях социовиртуальной реальности // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 2. – С. 148–157. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2025/2/2005>. EDN: RWKOGQ.
28. Гуревич П.С. Философская антропология: учеб. пособие. – М.: Омега-Л, 2010. – 607 с. EDN: MWJQGT

Информация об авторах

Герман Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40; miadegis@mail.ru

Панькова Наталья Михайловна, кандидат философских наук, доцент Отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; pankova_natalia@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1661-9487>

Поступила в редакцию: 20.08.2025

Поступила после рецензирования: 24.11.2025

Принята к публикации: 28.12.2025

REFERENCES

1. Kuznetsova Yu.A. Virtualization of society: "cyberprosthetics" of social interaction. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2021, vol. 14, Iss. 4, pp. 344–359. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.404>. EDN: FYHLMK.
2. Rozin V.M. Transformation of science in history and in the course of formation of future culture. *Philosophy of Science and Technology*, 2025, vol. 30, no. 1, pp. 124–134. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2025-30-1-124-134>. EDN: EHNBSG.
3. Aristarkhova I.L., Turkle S. Life on the screen: identity in the age of the internet. *Sociological journal*, 1998, no. 3–4, pp. 304–310. (In Russ.) EDN: PZQKCL.
4. Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Stanford, Stanford University Press, 1991. 256 p.
5. Dobrina O.A. Social risks of modernity and threats to identity: a systemic analysis of E. Giddens's concept. *Systems psychology and sociology*, 2019, no. 1 (29), pp. 100–108. (In Russ.) EDN: ZHVLXA.
6. Baudrillard J. *Simulacra and Simulations*. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p. (In Russ.)
7. Castells M. *The information age: economy, society, and culture*. Moscow, HSE Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)
8. Bobova L.A. Manuel Castells: the impact of the network society on the nature of social communications. *MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 5 (32), pp. 213–220. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-5-32-213-220>. EDN: RFXJHD.
9. Ivanov D.V. *Virtualization of society*. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies Publ., 2000. 96 p. (In Russ.)
10. Ivanov D. Glam-capitalism: consumer society in the 21st century. *The journal of sociology and social anthropology*, 2011, vol. 4, no. 5, pp. 9–28. (In Russ.) EDN: NFMUNM.
11. Nosov N.A. *Virtual psychology*. Moscow, Agraf Publ., 2000. 432 p. (In Russ.)
12. Mamedova N.M. Humans in the age of digitalization: on the verge of real and virtual. *Vek globalizatsii*, 2021, no. 3, pp. 74–85. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.03.06>.
13. Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. Digital hybridity: innovative reality or utopia? *Philosophy of science and technology*, 2023, vol. 28, no. 1, pp. 48–65. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65>. EDN: USPLIV.
14. Floridi L. *The fourth revolution: how the infosphere is reshaping human reality*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 248 p.
15. Khlebnikov G.V. L. Floridi. The 4th revolution. How the infosphere is changing human reality. Abstract. *METHOD*, 2018, no. 8, pp. 384–398. (In Russ.) EDN: YLTMNV.
16. Trufanova E. The subject: challenges of the digital. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2024, vol. 6, no. 4, pp. 215–234. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525>. EDN: WMSJIU.
17. German O.N., Kairova D.E. Influence of virtual reality on transformation of cognitive abilities of generation Y. *Current trends in continuous education: challenges of the digital economy. Proc. of the International Scientific and Methodological Conference*. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics Press, 2020. pp. 319–320. (In Russ.) EDN: DDWOAQ.
18. Fisher M. *Ghosts of my life: texts on depression, hauntology, and the lost future*. Moscow, New Literary Review Publ., 2024. 256 p. (In Russ.)
19. Bauman Z. *Fluid modernity*. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (In Russ.)
20. Ostrovskaya T.A. Concept of "liquid modernity" of Z. Bauman and modification of elite discourse practices. *Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and Art Criticism*, 2016, no. 4 (178), pp. 89–94. (In Russ.) EDN: XXXYOH.
21. German O.N. Sociovirtivity as a kind of reality in modern education. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2020, no. 4 (39), pp. 148–160. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1049](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1049). EDN: TBCMEP.
22. Baeva L.V. Virtual communication: classification and specifics. *Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, vol. 14, no. 4, pp. 5–10. (In Russ.). EDN: TGLTVN.
23. Gagarin A.S. Phenomenological topic: meaning-of-life' space existentials of human life. *Research yearbook of the institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian academy of sciences*, 2009, Iss. 9, pp. 7–26. (In Russ.) EDN: MTWDTT.
24. Borovoy E.A. *Fear and human social existence*. Cand. Diss. Novosibirsk, 2006. 182 p. (In Russ.)
25. Borovoy E. The role of the purgatory in the neutralization of medieval death anxiety. *Universum: Social Sciences*, 2014, no. 5, pp. 3. (In Russ.) DOI: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/1321>. EDN: SDYWGB.
26. Heidegger M. *Being and time*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 451 p. (In Russ.)
27. German O.N., Pankova N.M. Transformation of human existence in the context of socio-virtual reality. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 2, pp. 148–157. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2025/2/2005>. EDN: RWKOGQ.
28. Gurevich P.S. *Philosophical anthropology*. Moscow, Omega-L Publ., 2010. 607 p. (In Russ.). EDN: MWJQGT.

Information about the authors

Olga N. German, Cand. Sc., Associate Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 40, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; miadegis@mail.ru

Natalya M. Pankova, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; pankova_natalia@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1661-9487>

Received: 20.08.2025

Revised: 24.11.2025

Accepted: 28.12.2025